

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ**

**ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН**

№ 6

С.-Петербург
2011

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ИИМК РАН

<i>В. Е. Шелинский.</i> Экспериментально-трасологическая лаборатория ИИМК РАН: предистория, становление и развитие, нынешние реалии	7
<i>Т. А. Шаровская.</i> Сотрудники Экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН (ГАИМК — ИИМК — ЛОИИМК — ЛОИА АН СССР, 1931—2011 гг.)	35

СТАТЬИ

<i>Е. В. Беляева.</i> Исследования ранне-среднеашельской стоянки Куртан на севере Армении	37
<i>В. Е. Шелинский.</i> Особенности изготовления и использования каменных орудий из разных видов сырья на Ильской мустьерской стоянке (Северо-Западный Кавказ)	46
<i>В. В. Питулько.</i> Археологическая составляющая Берелёхского комплекса	85
<i>С. Н. Лисицын.</i> Стоянка Вашана и вопросы хроностратиграфии раннего мезолита Волго-Окского междуречья	104
<i>В. А. Алёшкин.</i> Терракотовые, глиняные и каменные «навершия» Алтын-депе	119
<i>А. А. Казарницкий.</i> Население эпохи бронзы в степях Северо-Западного Прикаспия	133
<i>Н. А. Дубова.</i> Новые антропологические данные к проблеме взаимодействия скотоводов и земледельцев Средней Азии в эпоху бронзы	143
<i>Е. В. Лебедева.</i> Хиосская расписная керамика из раскопок Мирмекия	157
<i>С. В. Кашаев.</i> Серия расписных сосудов из раскопок некрополя Артющенко-2	166
<i>С. Г. Попов.</i> К типологии и хронологии некоторых форм насыпей культуры длинных курганов (по материалам могильников Надозерье и Залахтовые)	175
<i>Ю. М. Лесман.</i> Сериационная хронология: иллюзии и реальность	186
<i>В. М. Федоров, Т. С. Матехина, Д. О. Осипов.</i> К истории соколиной охоты в Новгородской земле	199
<i>А. В. Курбатов.</i> Строительные жертвы в ранней Ладогe и традиция «прикладов» в Восточной Европе и Сибири (средневековые и новое время)	212
<i>В. И. Кильдюшевский, В. Я. Стеганцева.</i> Литографические камни из раскопок во дворах Главного штаба	223

ХРОНИКА

<i>С. А. Васильев.</i> Расширенное заседание Ученого совета и Отдела палеолита ИИМК РАН, посвященное юбилею П. И. Борисковского	243
<i>В. А. Алёшкин, М. Т. Кашуба.</i> Круглый стол «Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии», 23—24 июня 2011 г., Санкт-Петербург	245
<i>Ю. А. Виноградов, С. В. Кашаев.</i> Заседание Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященное выходу книги: П. Дюбрюкс. Собрание сочинений. СПб., 2010. Т. 1—2	247
<i>Ю. А. Виноградов, С. В. Кашаев.</i> Заседание Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященное памяти Е. Я. Рогова	249

ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Зоя Александровна Абрамова	251
К 80-летию Эльзы Самуиловны Шарафутдиновой	253
<i>Г. В. Длужневская, В. Н. Седых.</i> Юбилей профессора Дмитрия Глебовича Савинова	254
Список сокращений	257
Правила оформления рукописей для публикации в «Записках ИИМК РАН»	259

СТОЯНКА ВАШАНА И ВОПРОСЫ ХРОНОСТРАТИГРАФИИ РАННЕГО МЕЗОЛИТА ВОЛГО-ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ¹

С. Н. ЛИСИЦЫН

Стоянка Вашана расположена в бассейне р. Оки, на ее правом притоке р. Вашана, вблизи дер. Саломасово Алексинского р-на Тульской обл. Памятник открыт в 2001 г. Алексинским палеолитическим отрядом ИИМК РАН под руководством Н. К. Анисюткина. Новые раскопки проведены в 2009 г. Правый берег р. Вашаны представляет собой мощный крутой известняковый массив высотой 40–45 м от уреза р. Вашаны (цоколь высокой террасы), рассеченный глубокими оврагами с водотоками. Высота прислоненной речной террасы, к которой приурочен памятник, составляет 5–6 м и гипсометрически соответствует первой надпойменной террасе Оки.

Разведочный шурф в 2001 г. позволил установить наличие хорошо сохранившегося культурного слоя (вскрытого на площади 1 м²) с углистым заполнением, который залегал на глубине около 3,5 м от поверхности. Культурные остатки включали изделия из кремня и обломки костей. В 2002 г. раскопки были продолжены на площади 5 м², из которых до уровня культурного слоя доведено лишь 2 квадрата. Археологические находки в своей массе были связаны с одним культурным слоем, выше которого по разрезу встречены единичные артефакты. Культурный слой в 2002 г. был зафиксирован на глубине 3,4–3,5 м от современной поверхности. Он состоял из двух литологически неразделимых горизонтов, связанных с концентрацией кремневых изделий и костных остатков. Каменный инвентарь (всего из раскопок 2001–2002 гг. — 323 экз.) сочетал признаки отжимного пластинчатого расщепления и одновременно техники жесткого отбойника (рис. 1). Среди орудий были представлены типичные изделия мезолитического облика (угловые резцы, вкладыши, сечения пластин), включая отщеп, сколотый со шлифованного топора. Найденные кости животных, по определению Н. Д. Буровой, принадлежат первобытному быку или бизону, северному оленю и зайцу. Для культурного слоя в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН были получены две ¹⁴C даты: по древесному углю — 9600 ± 450 (Je-6285), а по кости — 9680 ± 160 (Je-6644). Первоначально эти датировки расценивались как омоложенные. Учитывая глубину залегания от поверхности культурного слоя (3,5 м) и плейстоценовый набор фауны, памятник предварительно был отнесен к концу палеолита. Однако выраженный мезолитический облик части кремневого инвентаря, не находивший аналогий в палеолитических индустриях, поставил ряд вопросов, решение которых было оставлено до новых раскопок (Анисюткин, Лисицын 2007). Целью работ 2009 г. было уточнение стратиграфической позиции культурных остатков на памятнике, получение новых археологических и фаунистических материалов, а также отбор образцов для естественнонаучных анализов.

¹ Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии», проект «Культурно-исторические процессы на рубеже плейстоцена—голоцена на северо-западе Русской равнины».

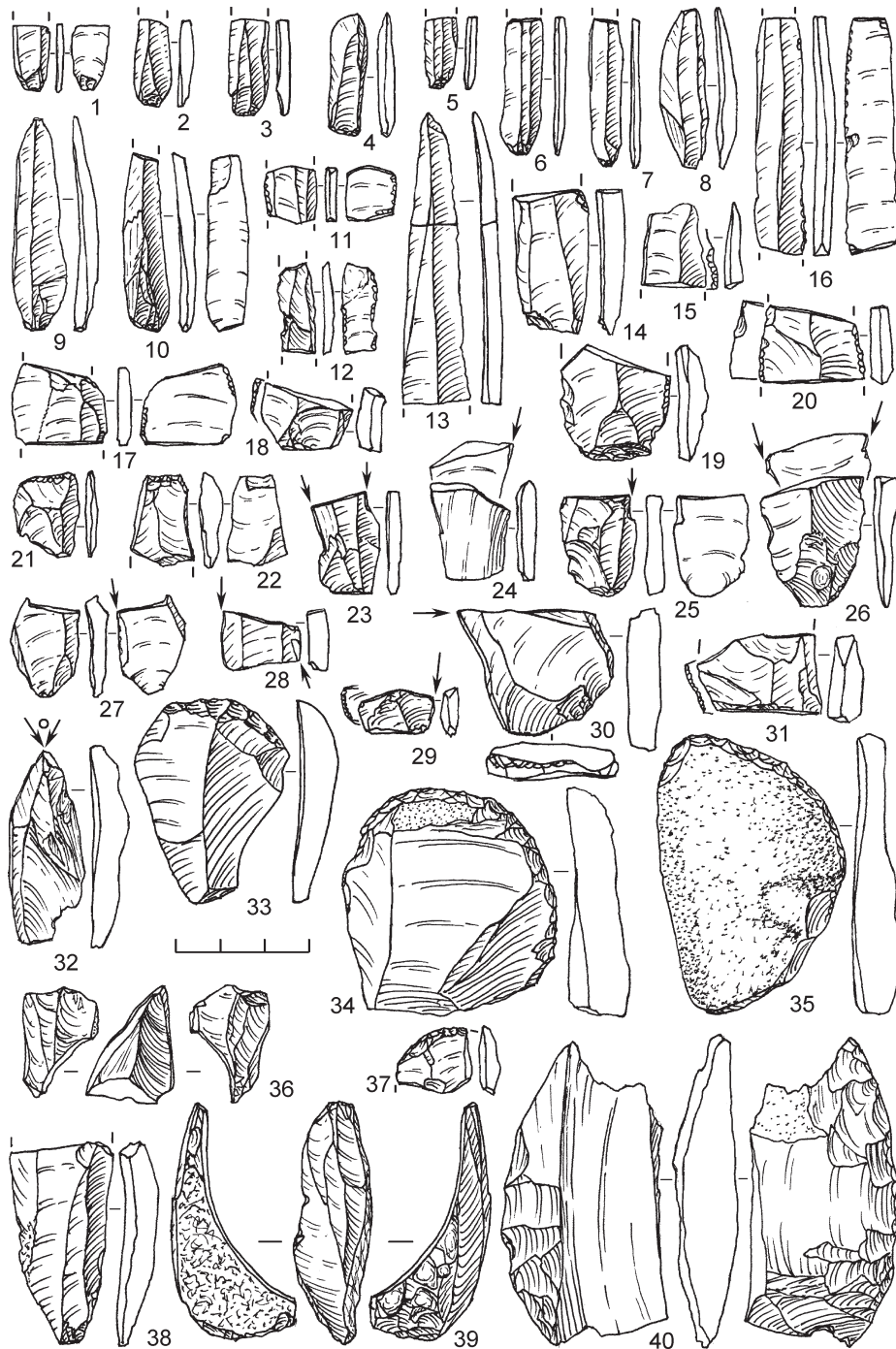

Рис. 1. Стоянка Вашана, каменный инвентарь из смешанной коллекции из раскопок 2001–2002 гг. (по Анисюткин, Лисицын 2007)

Стратиграфия. В шурфе 2009 г. площадью 6 м², прирезанном к раскопу Н. К. Аниюткина 2001-2002 гг., удалось более подробно описать стратиграфию и уточнить положение всех находок (номера слоев соответствуют рис. 2):

1. 0–0,25 м — дерн и современная подзолисто-луговая почва со следами распашки;
2. 0,35–0,5 м — суглинок коричневато-темно-серого цвета однородный;
3. 0,50–1,05 м — суглинок коричневый, со слабо выраженными перемежающимися слабо гумусированными и светло-известковистыми с мелким окатанным гравием линзовидными прослойками (в средней части мощностью до 10 см); в основании прослеживаются линзы слабо гумусированного серого суглинка мощностью 5–20 см, проникающие затеками в нижележащий слой;
4. 1,05–1,3 м — брекчия из обломков известняка, гравия и осколков кремня, сложенная обломочным материалом, снесенным с коренного известнякового склона берега. В основании на контакте с нижележащим слоем залегает культурный слой 1;
5. 1,3–1,5 м — палево-коричневый оглееный суглинок с прослоем (мощностью до 5 см) перемежающихся гумусных и светло-известковистых линз в верхней части;
6. 1,5–1,8 м — погребенная почва лугового типа, насыщенно-черная (гумус), с включениями редких осколков известняка;
7. 1,8–2 м — суглинок неоднородный, светло-коричневый (до палевого), комковатый, с крошкой известкового щебня;
8. 2–2,25 м — суглинок плотный, неоднородный, коричневый до рыжеватого, комковатый;
9. 2,25–2,6 м — суглинок серо-бурый, неоднородно-слоистый;
10. 2,6–3 м — брекчия из обломков известняка, гравия и осколков кремня, сложенная обломочным материалом, снесенным с коренного известнякового склона берега: истончается и выклинивается в северном направлении, залегая линзами в подстилающем суглинке;
11. 3–3,1 м — суглинок плотный, неоднородный, бурый, комковатый, в котором залегает культурный слой 2;
12. 3,1–3,3 м — суглинок темно-серый, гумусированный, однородный, комковатый (погребенная почва), в котором залегает культурный слой 3;
13. 3,3–3,7 м — суглинок плотный, неоднородный, буро-коричневый, комковатый;
14. 3,7–3,8 м — суглинок темно-серый, гумусированный, однородный, комковатый (погребенная почва), в котором залегает культурный слой 4;
15. 3,8–4 м — суглинок плотный, неоднородный, коричневый, комковатый;
16. 4–4,45 м и ниже — суглинок неоднородный, буро-коричневый, слоистый, с тонкими линзами окатанного гравия в кровельной части (материк).

Как видно из описания, отложения террасы имеют смешанный генезис: в накоплении толщи суглинков принимали активное участие высокие паводки р. Вашаны и эрозийные процессы склонового цикла. Большая глубина залегания культурных остатков объясняется особенностями местного осадконакопления. Именно благодаря особому сочетанию природных факторов культурные остатки оказались быстро запечатаны суглинками, что обусловило хорошую сохранность костей.

Артефакты в шурфе 2009 г. были зафиксированы на 4 уровнях залегания.

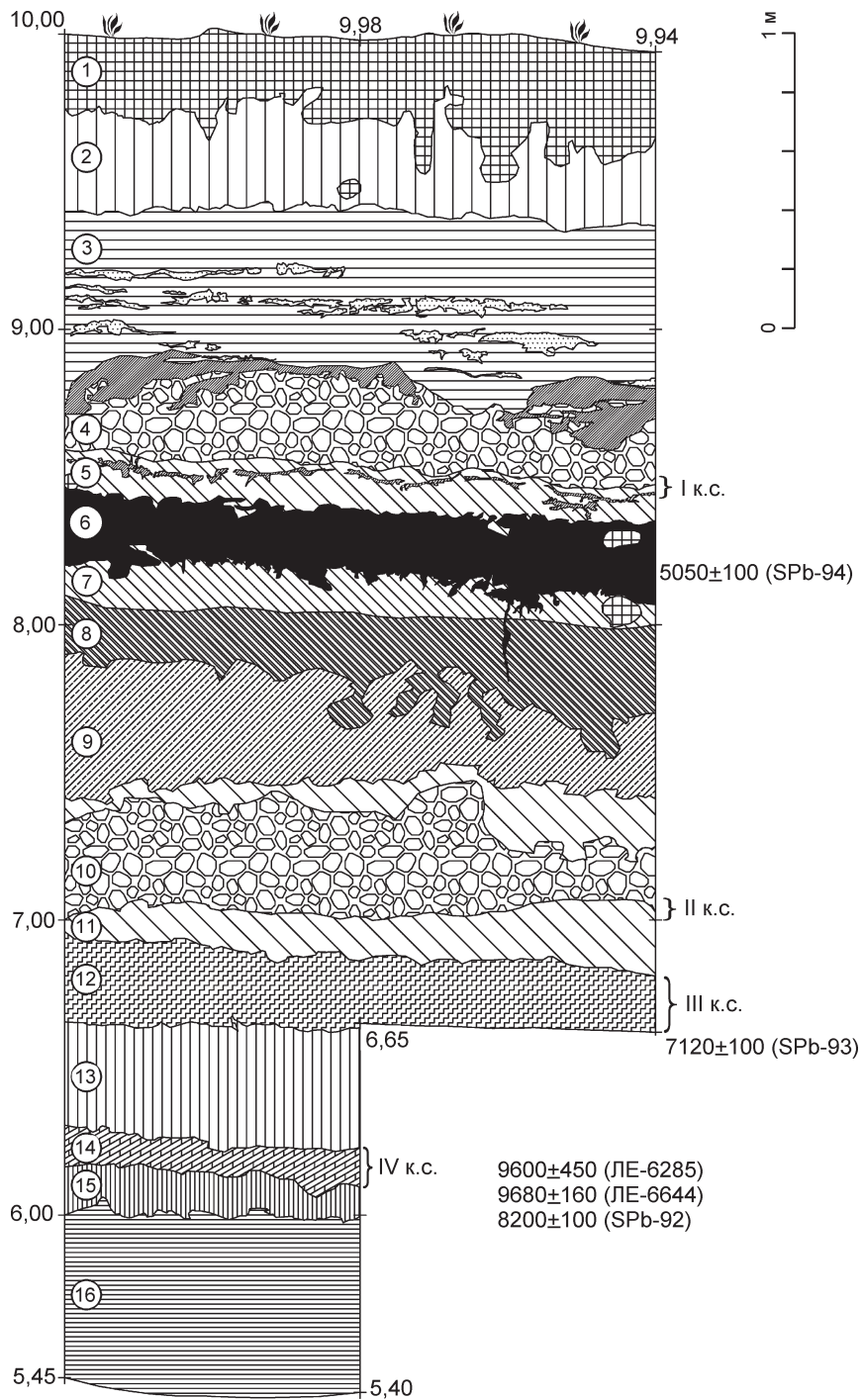

Рис. 2. Стоянка Вашана, южный профиль шурфа 2009 г.

Культурный слой 1 залегал на глубине 1,3–1,5 м от поверхности и соотносился с основанием щебнисто-обломочной известняковой брекчии мощностью 0,2–0,3 м. Отмечена слабая окрашенность в виде тонких (1–2 см) линз переслаивавшегося слабо гумусированного суглинка. Первый культурный слой подстилал черно-гумусный горизонт мощностью 20–25 см, представляющий собой погребенную почву лугового типа, не содержащую артефактов. Находки были единичны и залегали между камнями известняковой брекчии. Найдены 7 отщепов кремня, двусторонне обработанный иволистный наконечник стрелы со слабо выраженными срединными шипами по обоим краям, а также мелкий фрагмент сероглиняной керамики (без орнамента) с примесью в тесте органики и толченой раковины и отслоившейся внешней поверхностью. Судя по форме наконечника, слой можно отнести к эпохе энеолита–бронзы или концу неолита. Для определения возраста верхнего культурного слоя имеет значение радиоуглеродная дата 5050 ± 100 (SPb-94), полученная по образцу гумуса из нижележащей погребенной почвы в Лаборатории кафедры геологии и геоэкологии факультета географии РГПУ им. Герцена.

Культурный слой 2 залегал на глубине 2,5–2,7 м от поверхности и был связан с основанием второй щебнистой толщи мощностью 0,2–0,4 м. В отличие от верхнего слоя 1, культурный слой 2 залегал не между камнями брекчии, а непосредственно на контакте с ней, во вмещающем и подстилающем ее буром суглинке. Было найдено 7 отщепов кремня, в том числе 2 экз. с ретушью. Учитывая близкое залегание нижележащего культурного слоя 3, нельзя исключить попадание в слой 2 артефактов из слоя 3.

Культурный слой 3 зафиксирован на глубине 3,1–3,3 м от современной поверхности и связан с прослойкой слабо гумусированного суглинка (погребенной почвой). Возможно, темная окрашенность слоя определена человеческой деятельностью, а не почвообразовательными процессами, так как в составе слоя встречались древесные угольки и зольные разводы. Находки в культурном слое 3 шурфа 2009 г. распределены неравномерно: восточная часть шурфа не содержала находок, а концентрация кремня была связана с юго-западным углом. Кремневые артефакты культурного слоя 3 представлены 86 отщепами и 3 грубопризматическими одноплощадочными нуклеусами полукругового снятия с негативами скалывания широких отщепов. Судя по нуклеусам с прямыми и слабоскошенными площадками и отщепам с сильно выраженным ударным бугорком, применялась исключительно техника жесткого отбойника.

Правильные пластины и микропластины среди находок из культурного слоя 3 отсутствуют. Радиоуглеродная дата, полученная в той же лаборатории по древесному углю, относится к рубежу мезолита и неолита — 7120 ± 100 (SPb-93).

Культурный слой 4 залегал на глубине 3,7–3,8 м от поверхности и соотносился с погребенной почвой мощностью 10–15 см, аналогичной по составу почве, в которой залегал культурный слой 3. От последнего слой 4 отделен 40-сантиметровой толщиной стерильного суглинка (рис. 2). В отличие от трех вышележащих культурных слоев, слой 4 в шурфе 2009 г. был вскрыт лишь на площади 3 м² вдоль восточной стенки, так как вдоль западной стенки пришлось оставить ступеньку. В слое встречены древесные угольки, небольшое зольное пятно (30 × 15 см), кусочки охры, осколки костей животных (ребер, фаланг, трубчатых костей) и кремневые изделия.

Культурные остатки концентрировались в северной части вскрытой площади, что соответствует наблюдениям в раскопе 2002 г., где их концентрация также увеличивалась с юга на север. Каменные артефакты (43 экз.) включали отщепы, пластинки и микропластинки (в обломках). Один отщеп имел ретушь утилизации. Из орудий был найден лишь резец на углу сломанной пластинки (рис. 3, 2); нуклеусов нет. Среди микропластин имеются очень тонкие экземпляры, снятые, вероятно, с помощью отжима (рис. 3, 4–5, 7–8, 10–11). Датировка по древесному углю из культурного слоя 4, полученная в той же лаборатории, дала поздний возраст: 8200 ± 100 (SPb-92).

Фауна. В шурфе 2009 г. лишь в 4-м культурном слое найдены обломки костей животных, среди которых Н. Д. Буровой (ИИМК РАН) и Е. А. Петровой (ЗИН РАН) определены следующие виды (табл. 1):

Таблица 1

Состав фауны культурного слоя 4 стоянки Вашана

Вид животного	Количество костей/особей
Полевка (<i>Microtus arvalis</i>)	2/1
Лось (<i>Alces alces</i>)	5/1
Рыба (вид не определен)	1/1
Неопределимые	358
Итого	366

Видовой набор фауны, который не находит соответствия в материалах предыдущих раскопок, а также противоречие старых и полученных новых ^{14}C дат заставляют вернуться к проблеме интерпретации памятника и по-новому оценить хроностратиграфическую позицию культурных остатков. Кости из раскопок 2001–2002 гг., согласно первичному определению, показали плейстоценовый состав животных: северный олень, бизон и заяц. Фауна из шурфа 2009 г., напротив, дала типичных представителей голоценового лесного сообщества: лось, полевка и крупная рыба (позвонок). Консультации с Н. Д. Буровой показали, что в 2001–2002 гг. в ее распоряжении были лишь очень мелкие обломки костей, и она проводила определение костей, не сверяясь с эталонными коллекциями, хранящимися в Зоологическом институте РАН. В 2009 г. при активном содействии Е. А. Петровой удалось изучить вновь полученные фаунистические материалы по эталонным коллекциям. Поэтому последним определениям можно доверять в гораздо большей степени. К тому же обломки костей из шурфа 2009 г. отличались более крупными размерами, чем из раскопок 2001–2002 гг., где большинство фрагментов не превышало 1 см. К сожалению, кости из раскопок 2001–2002 гг. нельзя переопределить, так как все они без остатка были использованы для получения ^{14}C датировок. Однако Н. Д. Бурова, изучившая коллекцию костей из раскопок 2009 г., согласилась, что ее первичные определения фауны, скорее всего, были неверны. Таким образом, присутствие костей северного оленя и бизона в Вашане нельзя считать достоверным. Присутствие зайца (определение было сделано по зубам), а также лося, полевки и рыбы сомнению не подлежит. По совокупности фаунистических данных 4-й культурный слой соответствует типичному природному окружению лесной зоны.

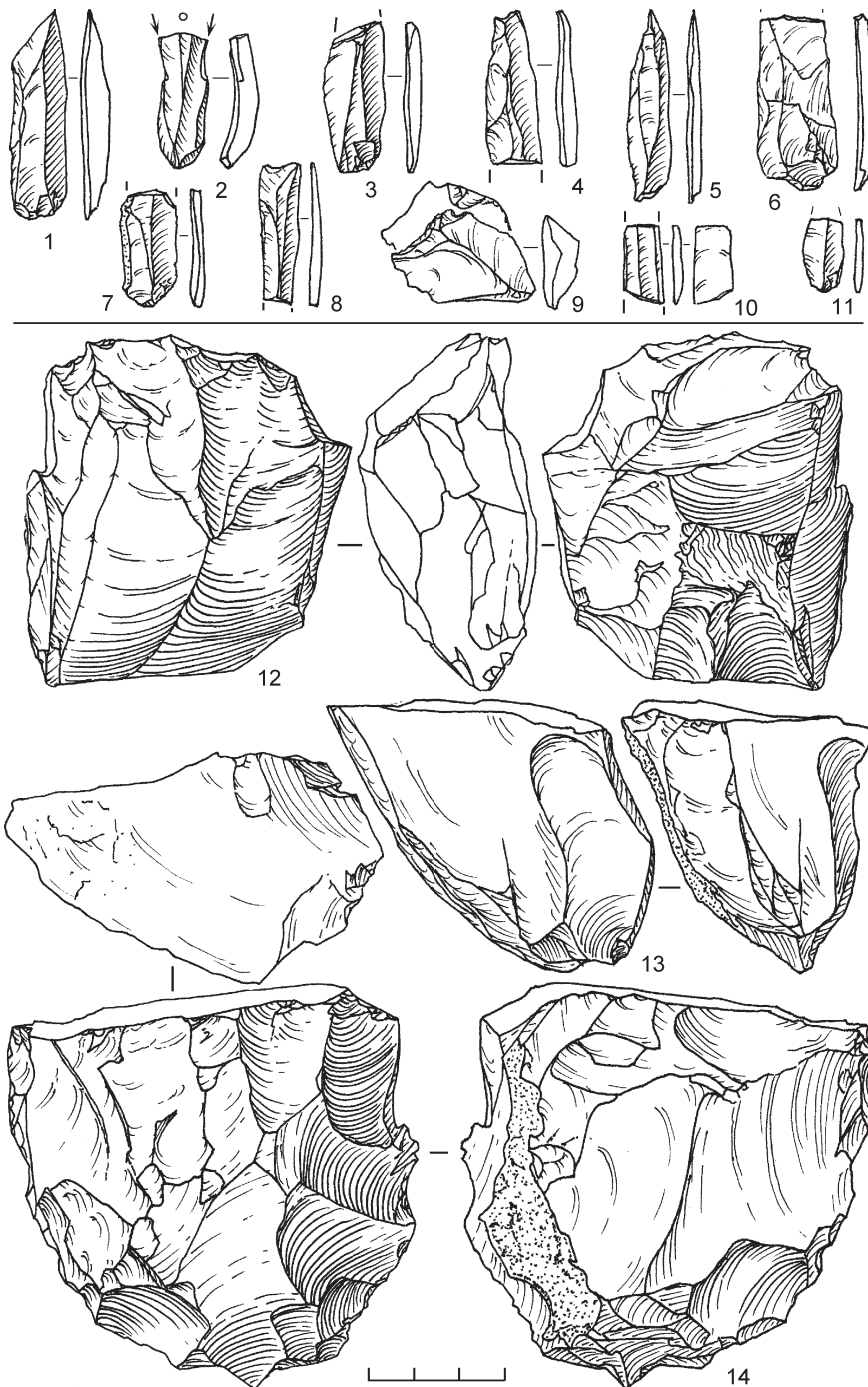

Рис. 3. Стоянка Вашана, 2009 г., каменный инвентарь: 1–11 — из культурного слоя 3; 12–14 — из культурного слоя 4

Датировка. ^{14}C даты из раскопа 2001–2002 гг. (9600 ± 450 ВР по углю и 9680 ± 160 ВР по кости) в связи с новыми находками необходимо увязать с конкретным культурным слоем. По-видимому, оба образца относились к культурному слою 4, так как в вышележащем слое 3 кости в шурфе 2009 г. не зафиксированы. К этому же выводу склоняет и свидетельство Н. К. Анисюткина о том, что датировка по углю была сделана по образцу из углистого скопления, залегавшего в основании культуросодержащего горизонта. Обе даты были первоначально восприняты как омоложенные, но, как указано выше, по углю из шурфа 2009 г. были получены еще более поздние даты — 7120 ± 100 л. н. для слоя 3 и 8200 ± 100 л. н. для слоя 4, противоречащие стратиграфическим и археологическим данным. До получения новых дат (желательно в разных лабораториях), по-видимому, вопрос об абсолютном возрасте следует оставить открытым. Стоит отметить лишь близкое соответствие между собой двух первых полученных датировок и явный разброс двух последних.

Культурная интерпретация. В первичной интерпретации находки из нижнего слоя стоянки Вашана были причислены к «золоторучьинской традиции» финального палеолита (Анисюткин, Лисицын 2007; Жилин, Кольцов 2008), выделенной М. Г. Жилиным по материалам нижнего слоя стоянки Золоторучье 1 в Ярославской обл. Согласно М. Г. Жилину, «золоторучьинская традиция» является специфическим местным вариантом палеолитической индустрии в конце плейстоцена, давшим начало бутовской раннемезолитической культуре. По фаунистическим остаткам и геоморфологической привязке исследователь отнес эти комплексы к началу позднего дриаса ~10,5–11 тыс. л. н. (Жилин 2004а; 2004б; 2007; Кольцов, Жилин 2008).

После работ 2009 г. считавшийся единым нижний культурный слой Вашаны разделился на два слоя с непохожим инвентарем. Комплекс культурного слоя 3 характеризуется отщеповой техникой жесткого отбойника, а слоя 4 — преобладанием пластинчатой техники расщепления с применением отжима (табл. 2).

Таблица 2

Инвентарь культурных слоев 3 и 4 стоянки Вашана

Артефакты	Культурный слой 3	Культурный слой 4
Отщепы	59 (60,8 %)	17 (36,2 %)
Чешуйки	28 (29 %)	5 (10,6 %)
Осколки	3 (3,1%)	2 (4,3 %)
Пластины	2 (2 %)	13 (27,7 %)
Микропластины	—	9 (19,1 %)
Нуклеусы	3 (3,1 %)	—
Краевые сколы	2 (2 %)	—
Орудия	—	1 (2,1 %)
Итого	97 (100 %)	47 (100 %)

Необычное сочетание разнородных черт, которое отмечалось в первой публикации Вашаны, объясняется, видимо, механическим смешением разнокультурных комплексов. Вопрос атрибуции осложнен тем, что орудия в материалах 2009 г. практически не представлены. Голоценовая дата и особенности техники расщепления кам-

ня из культурного слоя 3 позволяют искать ближайšie аналогии данному комплексу в иеневской культуре. В таком случае, согласно хроностратиграфической позиции находок, комплекс культурного слоя 4, имеющий выраженный пластинчатый облик и содержащий отжимные пластинки и угловой резец, может иметь ближайšie аналогии в бутовской культуре. Благодаря фактически противоположному технологическому контексту обеих культур, бедные материалы 3-го и 4-го слоев, полученные на Вашане, поддаются археологической атрибуции. Безусловно, ни бутовская индустрия не является в абсолютном выражении полностью пластинчатой, ни иеневская — отщеповой, однако данные технологические тенденции в первичном расщеплении неизменно выступают для них обеих в качестве диагностирующих признаков (Агеева, Леонова 2005). Если принять датировку нижнего бутовского культурного слоя Вашаны первой половиной пребореала (согласно датам лаборатории ИИМК РАН), то вышележащий иеневский комплекс в соответствии с хронологией большинства иеневских памятников (Кравцов, Леонова 2001; Зарецкая 2005; Леонова 2007; Кравцов 2009) должен относиться к середине—второй половине пребореала или началу бореала.

Вашана и вопрос о «золоторучьинской традиции». Опубликованное ранее мнение об ассоциации Вашаны с «золоторучьинской традицией» заставляет по-иному взглянуть и на материалы эпонимного памятника. Исследования Золоторучья 1 в разные годы проводились О. Н. Бадером и М. В. Воеводским (Бадер, Воеводский 1935), П. Н. Третьяковым (1950), основные работы проведены Д. А. Крайновым (1959; 1964), а последние — М. Г. Жилиным (2007). Золоторучье 1, ныне уничтоженное береговой эрозией, было приурочено к краю первой надпойменной террасы Волги при устье балки Сухой Ручей. Памятник содержал материалы средневековья, железного и бронзового веков, а также неолита, залежавшие в отложениях береговой дюны вплоть до ее основания. Наиболее ранние находки каменного века залежали отдельно от вышележащих, с большим отрывом (местами более 1 м). Работами Д. А. Крайнова в 1956—1970 гг. было вскрыто около 900 м² нижнего культурного слоя, который сначала интерпретировался как мезолитический, а потом как палеолитический (Крайнов 1959; 1964). Культурные остатки были приурочены к слою красно-бурого суглинка с песчаными прожилками, перекрывавшегося пачкой археологически немых тонко слоистых чередующихся суглинков и супесей аллювиально-делювиального происхождения. В культуровмещающем суглинке были прослежены две зольно-углистые прослойки разной мощности, разделенные почти стерильным горизонтом мощностью 10—15 см. Суглинок подстилался в центральной части памятника валунной глиной, а на периферии супесями и песками. На некоторых наиболее низких участках между красно-бурым суглинком и материковой глиной прослеживался горизонт торфо-болотных отложений, а ближе к борту Сухого Ручья — горизонт ила (Жилин 2007: 61—62).

Наиболее подробные данные о геоморфологическом строении первой террасы Волги в Ярославском Поволжье в относительной близости от дер. Золоторучье опубликовал В. А. Новский (1975: 20—24). Им были изучены два разреза в г. Рыбинске и еще один ниже по течению, вблизи впадения в Волгу р. Сонохты. В разрезах прослеживается однотипное строение: в основании находился древний аллювий (русовые

пески на гальке и гравии, подстилаемые илистыми суглинками), поверх них залежали пески, переслаивающиеся с суглинком и переходящие в монолитный моренный суглинок (нижняя пачка), в средней пачке залежала погребенная почва (р. Сонохта) или линза торфа (г. Рыбинск), которые выше по разрезу вновь перекрывались пачкой слоистых аллювиальных суглинков (верхняя пачка). Поверх последних залежала современная почва. За исключением отсутствующих здесь песчаных дюнных образований в покровной части разреза, такая последовательность в целом повторяет разрез на Золоторучье 1, где нижний культурный слой и подстиляется (нижняя пачка), и перекрывается (верхняя пачка) субаквальными отложениями. Погребенная линза старичного торфяника в г. Рыбинске (ниже по течению Волги от памятника), стратиграфически соответствующая уровню залегания нижнего культурного слоя в Золоторучье 1 (который местами тоже подстилался торфяной прослойкой), имеет спорово-пыльцевую характеристику. Палинология разреза в г. Рыбинске показала, что торфяник начал формироваться в период преобладания березы над сосной с незначительным участием ели и ивы. Вверх по колонке отмечается резкое уменьшение количества пыльцы березы вместе с увеличением процентного содержания ольхи, липы, дуба и ели. В. А. Новский сделал вывод, что период накопления длился с раннего голоцена до его оптимума (Там же: 23), т. е. от начала пребореала до начала атлантикума. Следовательно, судя по стратиграфическим и спорово-пыльцевым наблюдениям, эпизод раннего заселения стоянки Золоторучье 1, приуроченный к уровню чуть выше кровли основного аллювия первой террасы, должен соответствовать скорее началу голоцена, чем финалу плейстоцена.

Как видно из скрупулезного исследования находок из раскопок Д. А. Крайнова, проведенного М. Г. Жилиным, каменная индустрия памятника отличается весьма эклектическим по технико-типологическому составу инвентарем, сильно разнящимся от скопления к скоплению, которых всего насчитывается пять. Согласно М. Г. Жилину, «техника отжима пластин и микропластинок правильной огранки максимально развита в скоплении 5, а скопление 3 — единственное, где таких пластин нет. С другой стороны, в последнем найдена большая серия рубящих орудий с перехватом, есть они и в скоплениях 4 и 5, а в скоплениях 1 и 2 их нет. Двугранные и комбинированные резцы есть только в скоплениях 2 и 5. В скоплении 2 наибольшей серией представлены резцы с «подтеской» дорсальной поверхности от края резцового скола, которые отсутствуют в скоплениях 1 и 4. В скоплениях 1 и 2 преобладают ретушные резцы, а в остальных — на сломе заготовки. В скоплении 5 нет округлых скребков, зато есть нож с затупленным обушком, напоминающий крупные острия типа федер-мессер» (Жилин 2007: 31).

Средний индекс пластинчатости (3–5 %) по всем скоплениям, даже с учетом предполагаемого функционального профиля памятника как стоянки-мастерской по расщеплению кремня, соответствует целиком отщеповой, а не пластинчатой индустрии. Тем удивительнее присутствие здесь совершенной техники получения правильных пластин с помощью посредника или отжимом и серии микропластин-вкладышей. Нуклеусы представлены одновременно аморфными кубовидными ядрищами для отщепов и правильными подконическими, с замкнутым и полузамкнутым фронтом,

оформленным негативами узких пластинчатых снятий. Интересно и то, что регулярные и даже двойные резцы на сечениях пластин здесь сочетаются с нестандартизированными массивными изделиями с широкой резцовой кромкой и с многофасеточными изделиями. Среди скребков встречаются как концевые на правильных пластинах, так и аморфные, а также высокие на отщепках. М. Г. Жилин предположил, что столь парадоксальные сочетания внутри комплекса «говорят об индивидуальной вариативности инвентаря скоплений, оставленных населением, единым в культурном отношении» (Там же).

С такой интерпретацией категорически нельзя согласиться. Если суммировать все признаки — отсутствие прямых аналогий данной индустрии, взаимоисключающие технологические признаки внутри комплекса, отмеченное в профилях разделение культурных остатков на две четкие углистые прослойки, из которых верхняя была несколько мощнее нижележащей, то остается лишь одно-единственное логическое объяснение — комплекс не может рассматриваться как стратиграфически и археологически гомогенный. На Золоторучье 1 представлены два разных культурных комплекса, отделяющихся друг от друга как в технико-типологическом, так и в хроностратиграфическом отношении. Эклектичная характеристика инвентаря является следствием наложения одного комплекса на другой и частичного смешения материалов, что уже неоднократно наблюдалось на мезолитических памятниках Верхневолжья, раскопанных в прежние годы по несовершенной методике. Сомнения в гомогенности «золоторучьинской традиции» уже ранее высказывали А. Н. Сорокин (2006: 78) и Л. Л. Зализняк (2009: 46).

Для удобства сравнения один комплекс можно назвать «отщеповым», а другой — отжимным «пластинчатым». Как следует из выводов М. Г. Жилина, наибольшая «пластинчатость» была отмечена в скоплении 5, а «отщеповость» — в скоплении 3. Таким образом, каждое из этих скоплений является наиболее чистым в культурном отношении. Их взаимозалегание в стратиграфической последовательности позволяет оценить, какой из комплексов был более ранним, а какой — поздним.

В планиграфическом отношении скопление 5 было расположено дальше всего от обрыва террасы и выше остальных по склону от Волги. Скопление 3, напротив, занимало позицию ближе к краю террасы. Учитывая привязку стоянки к речному берегу и эрозионную фазу речной деятельности в период существования поселений (непрерывное отложение пойменного аллювия началось уже после ухода людей), логично считать, что расположенное гипсометрически выше «пластинчатое» скопление 5 относится к более раннему этапу заселения мыса, а пониженное «отщеповое» скопление 3 — к более позднему. Подтверждением такой интерпретации служит и разная мощность углистых прослоек. Нижняя тонкая прослойка может ассоциироваться с «пластинчатым» комплексом, а наиболее мощная верхняя — с преимущественно преобладающим «отщеповым». Только последним обстоятельством можно объяснить процентное соотношение сколов, подсчитанное М. Г. Жилиным, — с огромным перевесом в пользу «отщепового» комплекса. Культурный слой последнего был мощнее вследствие более активной и/или более продолжительной деятельности его обитателей.

Важным признаком, который отличал Золоторучье 1 от других мезолитических памятников, считается фауна, которая, согласно полученным ранее данным, носит не голоценовый (мезолитический), а плейстоценовый (палеолитический) облик. Д. А. Крайнов упоминал о находках ребер крупных млекопитающих в верхней углистой прослойке (Крайнов 1959: 68), а также костей первобытного быка и северного оленя без привязки к той или иной прослойке нижнего культурного слоя (Крайнов 1964: 4). Из его публикаций неясно, кто из специалистов определял кости.

М. Г. Жилин среди фаунистических остатков, упомянутых в отчетах Д. А. Крайнова, называет часть бедренной кости первобытного быка и челюсть северного оленя из скопления 4 (раскоп 1 1962 г.), а в составе скопления 5 (раскоп 1 1964 г.) — фрагмент бедренной или берцовой кости бизона (*Bison Priscus*), атрибуированного П. А. Косинцевым (Жилин 2007: 16–17). Таким образом, фаунистический состав в целом (без привязки к «пластинчатому» или «отщеповому» комплексам) охарактеризован как позднеплейстоценовый перигляциальный и, по мнению М. Г. Жилина, соответствует наиболее холодной фазе первой половины молодого дриаса (Там же: 39).

В архиве Д. А. Крайнова, хранящемся в Музее археологии Ивановского государственного университета,² сохранилось ранее не публиковавшееся заключение по определению костных остатков с Золоторучья 1, сделанное Л. А. Алексеевой (Геологический институт АН СССР). Привожу текст ее письма к Д. А. Крайнову от 28.03.1964 г.:

«Костные остатки из стоянки Золоторучье 1 у Углича, переданные на палеонтологическое определение в отдел четвертичной геологии ГИН АН, позволили определить следующее:

1. *Alces alces* L. — маленький обломок левой половины нижней челюсти с тремя предкоренными зубами.

2. *Bison* (?) sp. — обломок нижнего конца метакарпальной кости очень плохой сохранности (более точное определение невозможно).

Возраст: верхний плейстоцен.

Примечания: В настоящее время лось является типичным лесным животным (таежным). В пределах СССР южная граница лося совпадает с южным пределом сплошных хвойных и смешанных лесов, огибая с севера степные районы. Зубр на Русской равнине до недавнего времени обитал в районе смешанных лесов. Имеются предположения, что некоторые ископаемые расы первобытного зубра жили в условиях степи».

По-видимому, на определение в ГИН попали те самые фаунистические остатки из 1-го раскопа 1962 г., которые упоминали Д. А. Крайнов и М. Г. Жилин. Примечательной является их относительная датировка Л. А. Алексеевой — «верхний плейстоцен», хотя оба определенных вида (зубр и лось), как видно из комментария, являются скорее лесными животными. На такую хронологическую оценку, вероятно, повлия-

² Выражаю глубокую признательность доценту кафедры дореволюционной отечественной истории исторического факультета ИвГУ к. и. н. Е. Л. Костылевой за возможность ознакомиться с архивом Д. А. Крайнова.

ло заключение по Золоторучью, сделанное в 1962 г. А. А. Величко, который отнес культуровмещающие отложения памятника к позднему валдаю.

Как видно из приведенных данных, нижние культурные слои Золоторучья I были оставлены охотниками лесной зоны раннего голоцена. Отнесение двух культурных комплексов Золоторучья I к началу голоцена подтверждается и полученными недавно абсолютными датировками: 10240 ± 37 (KIA-39314) по кости (*Bison priscus* — определение П. А. Косинцева) из скопления 5 и 9990 ± 62 (KIA-39315) по древесному углю из скопления 3 (Hartz et al. 2010). Поэтому аналогии «пластинчатому» и «отщеповому» комплексам нужно искать не среди финальнопалеолитических, а среди раннемезолитических памятников. Таковые в Верхневолжье представлены бутовской и иеневской культурами, технико-типологические характеристики которых полностью соответствуют описанным характеристикам «пластинчатого» и «отщепового» комплексов.

К «пластинчатому» ботовскому инвентарю относятся конические и торцовые нуклеусы и соответствующие данному типу расщепления правильные пластины и отжимные микропластины. Орудия ботовского облика представлены миниатюрными угловыми и ретушными резцами на правильных пластинках, а также, вероятно, скребками, выполненными на сечениях правильных пластин. Данный набор изделий может быть целиком проиллюстрирован скоплением 5, практически не содержащим чужеродных примесей (Жилин 2007: 115, рис. 78).

Иеневские изделия, которые неравномерно распределены по площади между всеми пятью скоплениями, включают одно- и двухплощадочные кубовидные нуклеусы для отщепов и укороченных пластин (техника жесткого отбойника). Среди изделий с вторичной обработкой выделяются изделия с обушком, в том числе крупный нож на массивном первичном отщепе (единственное исключение из «пластинчатого» скопления 5), аморфные скребки на отщепах, нестандартизированные (в том числе нуклеовидные) резцы с широкой кромкой. Кроме того специфическими иеневскими в данном контексте могут считаться топоры с перехватом и, по крайней мере, один геометрический микролит (треугольник или обломок трапеции из скопления 4), с усеченным встречной ретушью краем, который опубликован как «заготовка для резца» (Там же: 26, 109, рис. 72, 9).

Хроностратиграфическая последовательность залегания находок иеневского и раннего ботовского облика была также зафиксирована М. Г. Жилиным на многослойном торфяниковом памятнике Становое 4 в Ивановской обл., обеспеченном целой серией радиоуглеродных дат раннего пребореального возраста. Иеневский слой IIIa на Становом 4 залегал выше раннего ботовского слоя IV (Жилин 2002; Зарецкая и др. 2002; Зарецкая 2005; Hartz et al. 2010), так же как на Вашане и, вероятно, на Золоторучье I.

Таким образом, выделение особой «золоторучьинской традиции» как отдельной культурной единицы по материалам Золоторучья I и Вашаны следует считать ошибочным. Представленные выше данные заставляют отказаться от концепции М. Г. Жилина, поддержанной мною ранее (Анисюткин, Лисицын 2007; Лисицын 2010). Очевидно, что «традиция», сконструированная из механически смешанных

материалов, не может являться аргументом в пользу происхождения раннего волго-окского мезолита из какого-то особого автохтонного варианта финального палеолита, тем более, что естественнонаучный контекст этих находок не подтверждает их плейстоценовый возраст.

Агеева, Леонова 2005 — *Агеева К. Е., Леонова Е. В.* К характеристике пластинчатых сколов в мезолитических индустриях Волго-Окского междуречья // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М., 2005. С. 130–147.

Анисюткин, Лисицын 2007 — *Анисюткин Н. К., Лисицын С. Н.* Стоянка Вашана — памятник рубежа плейстоцена и голоцена в Тульской области // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене—раннем голоцене. М., 2007. С. 134–148.

Бадер, Воеводский 1935 — *Бадер О. Н., Воеводский М. В.* Стоянки родового общества. Участок Скнятино-Молога // Археологические работы Академии на новостройках. 1935. С. 145–156 (ИГАИМК. Вып. 109).

Жилин 2002 — *Жилин М. Г.* Стратиграфия и планиграфия многослойного поселения Становое 4 в Верхнем Поволжье // ТАС. 2002. Вып. 5. С. 107–116.

Жилин 2004a — *Жилин М. Г.* Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М., 2004.

Жилин 2004b — *Жилин М. Г.* Мезолит Волго-Окского междуречья: некоторые итоги изучения за последние годы // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004. С. 92–139.

Жилин 2007 — *Жилин М. Г.* Финальный палеолит Ярославского Поволжья. М., 2007.

Жилин, Кольцов 2008 — *Жилин М. Г., Кольцов Л. В.* Финальный палеолит лесной зоны Европы (культурное своеобразие и адаптация). М., 2008.

Залізник 2009 — *Залізник Л. Л.* Мезоліт заходу Східної Європи. Київ, 2009 (Кам'яна доба України. Т. 12).

Зарецкая 2005 — *Зарецкая Н. Е.* Радиоуглеродная и календарная хронология многослойных торфяниковых поселений Волго-Окского междуречья // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М., 2005. С. 113–129.

Зарецкая и др. 2002 — *Зарецкая Н. Е., Успенская О. Н., Жилин М. Г.* Возраст и генетические типы отложений двух разрезов многослойного поселения Становое 4 (Ивановская область) // ТАС. 2002. Вып. 5. С. 117–122.

Кравцов 2009 — *Кравцов А. Е.* Исследования на памятниках иеневской культуры (финальный палеолит — мезолит Волго-Окского бассейна) // АО 1991–2004 гг. Европейская Россия. 2009. С. 60–72.

Кравцов, Леонова 2001 — *Кравцов А. Е., Леонова Е. В.* Структура памятников и вопрос о периодизации мезолитической иеневской культуры // Каменный век европейских равнин: Материалы международной конференции. Сергиев Посад, 2001. С. 133–141.

Крайнов 1959 — *Крайнов Д. А.* Дюнная стоянка Золоторучье 1 // КСИИМК. 1959. Вып. 75. С. 63–69.

Крайнов 1964 — *Крайнов Д. А.* Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья // КСИА. 1964. Вып. 97. С. 3–19.

Леонова 2007 — *Леонова Е. В.* К проблеме археологического содержания иеневской культуры Волго-Окского междуречья // Проблемы археологии каменного века. М., 2007. С. 119–154.

Лисицын 2010 — *Лисицын С. Н.* Климатическая перестройка на рубеже палеолита и мезолита как фактор культурогенеза на северо-западе Восточной Европы // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М., 2010. С. 52–62.

Новский 1975 — *Новский В. А.* Плейстоцен Ярославского Поволжья. М., 1975.

Сорокин 2006 — *Сорокин А. Н.* Проблемы мезолитоведения. М., 2006.

Третьяков 1950 — *Третьяков П. Н.* Эпипалеолитические поселения Скнятинских дюн // МИА. 1950. Вып. 13. С. 15–25.

Hartz et al. 2010 — *Hartz S., Terberger T., Zhilin M.* New AMS-dates for the Upper Volga Mesolithic and the origin of microblade technology in Europe // *Quartar*. 2010. Vol. 57. P. 155–169.

SITE OF VASHANA AND THE QUESTIONS OF CHRONOSTRATIGRAPHY OF THE EARLY MESOLITHIC IN THE VOLGA-OKA INTERFLUVE

S. N. Lisitsyn

The site of Vashana is situated on the Upper Oka. The cultural layer exposed for the first time by N. K. Anisutkin's excavations in 2001–2002 at a depth of 3,5–4 m from the present day surface was originally dated to the Paleolithic. New excavations undertaken by the present author in 2009 have demonstrated the presence of several occupation levels, and the cultural layer formerly thought to be single has broken down into two. The lowermost cultural layer 4 is characterized by the dominance of blade technology with the use of pressure flaking, while the incumbent layer 3 is characterized by a flake oriented technology with the use of hard hammer. Taking into account a typically boreal character of the fauna associated with layer 4 (elk, fish), as well as the fact that the available radiocarbon dates point to the Early Holocene age, the analogies to both assemblages should be sought among the Early Mesolithic and not the Final Paleolithic sites. In the Upper Volga area the Early Mesolithic is represented the Butovo and Ienevo cultures, whose characteristics coincide with those described for Vashana layers 4 and 3, respectively. Previously the materials of Vashana were thought to form a single Final Paleolithic tradition with the industry of Zolotoruchie 1. However, the new data on the fauna of Zolotoruchie 1, the published pre-Boreal ¹⁴C dates for this site, as well as clear stratigraphic and archaeological analogies with Vashana, make it possible to date these materials to the Early Mesolithic.